

О. В. Кириченко

Факты церковного предания и современные исследования

(рецензия на книгу: О. В. Букова. Женские обители преподобного Серафима Саровского. История десяти нижегородских женских монастырей. Нижний Новгород, 2003. 592 с.)

В 2003 г. в нижегородском издательстве «Книги» вышла книга Ольги Викторовны Букиной «Женские обители преподобного Серафима Саровского. История 10 нижегородских женских монастырей» — труд, заслуживающий внимания как рядового верующего читателя, так и научных работников, исследующих данную область церковной истории. Неоспоримо научное значение данной работы. Автор собрала и обработала большой корпус новых, не введенных ранее в оборот данных по истории нескольких женских обителей Нижегородского края и особенно Дивеевского монастыря, а также включила сюда устные полевые материалы — рассказы и воспоминания местных жителей. Заслуга автора в том, что весь материал по истории обителей представлен целиком, взаимосвязано, объединен именем прп. Серафима. На основе опубликованных и неопубликованных источников воссоздаются картины истории каждого из 10 монастырей, имеющих от прп. Серафима личное благословение. Язык книги — живой и энергичный, что, конечно, способствует популяризации научно-собранного и организованного материала.

Тем более читателя поражает диссонанс между величием замысла, накопленных материалов, кропотливо обработанных новых сведений и теми оценками, которые автор выносит главным действующим историческим лицам Серафимо-Дивеевского монастыря. Исследовательница как будто преследует цель — новые материалы по Дивеевской обители поставить в противовес тем материалам, которые в 1903 г. легли в основу сведений, имеющихся в распоряжении комиссии по канонизации прп. Серафима, представленных трудами архим. Серафима (Чичагова), впоследствии священномученика.

Священномученик Серафим для составления летописи Дивеевского монастыря пользовался архивом Дивеева, заботливо сохраненным сестрами

этой обители. Также он записал рассказы некоторых дивеевских наследниц, получил благословение и напутствие блаженной Паши Саровской. Все основные пласти предания о прп. Серафиме, особенно в той их части, которая касалась особой роли Дивеева, пророчества преподобного — вошли в труд архим. Серафима. И хотя, как известно, к тому времени вышло немало изданий жизнеописания старца Серафима, но только в труде архим. Серафима, подготовленном в преддверии канонизации, раскрывался во всей полноте образ преподобного как великого пророка и тайновидца тайн Божьих, касающихся судеб православной Церкви, России и мира. И если даже в этих собранных документах и свидетельствах очевидцев могли отсутствовать какие-то отдельные детали жизнеописания прп. Серафима и истории Дивеевской обители, то все основные акценты и смысл распоряжений и действий преподобного были освещены полно и объективно. У православного народа, в том числе и у тех, кого Церковь прославила в лице святых (св. прав. Иоанна Кронштадского, Оптинских старцев и других святых и подвижников — современников канонизации преподобного) не было сомнений в том, что в книге архимандрита Серафима (Чичагова) изложен взгляд на события самого прп. Серафима Саровского. Важной была в этом труде оценка тех людей, с которыми близко общался преподобный и которых приблизил к себе, чтобы они вместе с ним стали орудием Промысла Божия в отношении Дивеева. В летописи присутствует положительная оценка Н.А. Мотовилова, М.Н. Мантурова, прот. Василия Садовского и однозначно отрицательная оценка послушника Ивана Толстоеева (иеромонаха Иоасафа), которого сам преподобный называл антихристом и «возмутителем всему свету».

Автор книги «Женские обители преподобного Серафима Саровского» оправдывает самовольную деятельность послушника Ивана Толстоеева и

по строительству Тихвинского деревянного храма, и по слиянию двух общин в один монастырь, и притеснения и интриги против «дивеевских сирот». О.В. Букова дает свою оценку указанным лицам и свою интерпретацию событий. На авансцену ею выдвинут «господин» архивный факт, который, по словам автора, заставляет ее пересмотреть старую версию событий. На самом деле новые данные *по хозяйственной деятельности* Дивеевской обители, конечно, не могут и не должны иметь такой власти над сложившимся корпусом церковных преданий о духовной жизни этой обители — фактов, освященных авторитетом Церкви.

Вместе с тем, если даже те факты, которые приводит автор книги, поставить в привычный контекст истории Дивеевского монастыря, то поведение и Мантурова, и Мотовилова, и о. Василия Садовского будет понятно и оправданно. Они, как могли, защищали заветы и наказы прп. Серафима, используя свою власть землевладельцев, и дворянскую привилегию обращаться письменно к императору.

Для новой оценки Н.А. Мотовилова О.В. Букина использует архивные данные, где зафиксированы свидетельства долгого нежелания «служки» прп. Серафима передать обещанную общинам землю, оттягивание времени передачи, оговаривание особых условий для собственного пребывания в монастыре. При этом автор игнорирует драматический контекст, в котором развивались указанные события: время, когда происками и обширными, в том числе петербургскими, связями послушника Ивана Толстоеева обчины энергично готовятся к слиянию. Против слияния общин, а не из-за корысти и выступает Мотовилов, помня заповеди прп. Серафима. Но здесь исследователю выгодно вспомнить не слова преподобного, а авторитет Св. Синода и решение государя, против которого будто бы и выступал «служка» прп. Серафима.

Нелицеприятную оценку от автора получают все положительные герои: блж. Пелагея Саровская, позволившая себе «распускать руки» и быть архиереем; священник Василий Садовский — с точки зрения автора книги, «непонятно молчание о. Василия... Эта двойственная позиция о. Васи-

лия говорит о нерешительности его характера» (с. 225); строитель Саровской пустыни о. Исаия, который занимает «странную позицию в отношении послушника Иоанна Тихонова (Толстоеева — О.К.) — неприязни», что, «с точки зрения любви к Богу и человеку», нельзя понять (с. 220); М. В. Мантуров «не мог преодолеть искушение поправить свое материальное положение, когда появилась легким путем получить деньги» за счет обители (с. 222—223); святитель Филарет (Дроздов) также «не совсем правильно оценивал ситуацию», когда принял сторону Елизаветы Ушаковой, а не Гликерии Занятовой (с. 297); но более всех достается Н.А. Мотовилову: все его попытки противостоять своееволию Ивана Толстоеева путем временной задержки передачи пожертвованной земли общине автор подробно объясняет сребролюбием (с. 232—237) и родовым эгоизмом (с. 223). Не преминула исследовательница привести и сомнительные оценки о «тихом помешательстве» Николая Александровича (с. 281). На психическое нездоровье Мотовилова указывает и другой автор, взявшийся бороться с церковным преданием путем логических размышлений и эмоциональной риторики¹.

На фоне тотального пересмотра смысла дивеевских событий падает тень и на личность прп. Серафима через очернение самых близких преподобному лиц — его любимцев, поставленных им на особое служение обители. По этой логике преподобный хотя и был прозорлив, но, выходит, что не знал, кого он ставит опекать дивеевских сестер. Значит, это произошло по его недомыслию, недосмотру. Автор этого не говорит, но жесткая логика новой интерпретации всех событий и лиц заставит неискушенного читателя это сделать.

Как нам кажется, проблема взаимоотношения научных фактов и фактов церковного предания не является частной, касающейся особенностей книги, которая привлекла наше внимание. Факты церковного предания — не набор доказательств и размышлений одного ученого, но некий священный для Церкви и церковного человека материал церковной жизни, часть предания православной Церкви. Для атеиста он может не иметь значения в его научных трудах на эту тему, но для ученого-верующего

¹Мы имеем в виду две статьи уважаемого А.Н. Стрижева в журнале «Благодатный огонь»: «О чем могут поведать архивы. К 250-летию со дня рождения прп. Серафима Саровского» (2004. №12. С. 30—35), а также выступление этого заслуженного автора многих публикаций о прп. Серафиме Саровском, о Дивееве и его подвижницах на конференции «Преподобный Серафим и судьбы России» в г. Сарове летом 2004 г. с докладом «Преподобный Серафим Саровский о грядущих судьбах России». В данном случае в новых материалах мы не нашли: ни серьезных доказательств, ни научного критического разбора, а только эмоциональные декларации. Между тем, негативная оценка Н.А. Мотовилова как человека может бросить тень и на некоторые важные свидетельства о духовной жизни и высказываниях прп. Серафима, хотя, несомненно, автор этого не хочет.

щего все-таки должен иметь. Речь идет о причинах искусственного противопоставления церковного и научного фактов. Церковь также оперирует понятием «научный факт» касающейся ее проблематики и приветствует диалог с учеными, с уважением относящихся к ее богословскому и святоотеческому наследию (преданию). И в Церкви есть множество тем, требующих научного освещения, в том числе и силами ученых-мирян. Но важно, чтобы в этой деятельности сами по себе идейно нейт-

ральные факты не вступали в противостояние с фактами церковного предания. Церковь не может, как наука, менять под давлением фактов картину мира Ньютона на картину мира Эйнштейна. Церковь всегда соотносит «первичный» (новый) факт, с идеальным (святоотеческим) фактом и строит «картину мира», т.о., исходя из святоотеческой мысли. Вот почему нам кажется недопустимой та ревизия предания, которая совершается в книге О.В. Буковой силу «научного факта».

